

§ 2. ГОРОДОВЫЕ КАЗАКИ БЕРЕЗОВА И СУРГУТА

Выше рассматривались различные стороны жизни служилого населения севера: численность, социальный состав, хозяйственные занятия и пр. В данном случае городовые казаки будут затронуты в связи с управлением края, в связи с их служебными функциями. Без подобного анализа картина управления окажется неполной.

До 1798 г. не существовало постановлений о том, каким образом производить комплектование городских казачьих команд в Сибири²⁹. По этой причине верстали в казаки губернаторы и коменданты «во одному своему рассмотрению», допускалось рекрутирование не только из неслуживших «состояний, не положенных в подушный оклад», но и из податных. В 1798 г. законодательство закрепило положение, что городовые команды комплектуются из одних только казачьих детей³⁰.

Казачья служба, как отмечалось, могла начинаться с 13 лет. В этом возрасте находились в 1724 г. березовские служилые Павел

---

²⁹ ЦГИА, ф. 1264., оп. 1, д. 536, л. 9об.

³⁰ Там же, л. 9об.—10.

Кожоулин в Иван Сутормин³¹. В 1800 г. сургутский атаман Александр Проводников подал в Тобольск рапорт «о принеженных к определению в казачью службу лета детей»; среди последних — тринадцатилетние Гаврило Проводников, Иван Кузнецов, Павел Тороччинов, Андрей Тверагинов, Ефим Найдалов³². Для зачисления в службу требовалось подать прошение (его могли подавать как сами определяемые, так и отцы их, и родственники). Если при команде имелось свободное место, и у начальства не находилось оснований щемить становать определению данного лица в казаки, вдобавитчик приписывал местным священником и присягал «в верности службы» государю и получал жалованный денежный и прочий оклад.

В 1705 г. сургутский сотник Андрей Тороччинов был челом Петру I: «...вели, Государь, быть в Сургуте в казаках сыну моему Петру в денежным и соляным и хлебным... окладами³³. Березовский сын боярский (1709 г.) Кожоулин в прошении являл свое место сыну: «Служу я тебе, государь, на Березове в детях боярских... лет к 30 и больше, а сын мой Иван ни в какой чин не поверстан... вели, государь, после смерти моей быть сыну моему Ивану в том же моем ... окладах³⁴. Стремление опереться на служебные заслуги отца прослеживается и в прошениях самих определяемых: «...вели, государь, за многие службы отца моего мне... быть на Березове на отцовом месте...». — был челою березовец Степан Лихачев³⁵.

Штаты городовых команд в Березове и Сургуте, как отмечалось в первой главе работы, были невелики, и не все, «пришедшия в совершенные лета» казачьи дети имели возможность сразу начать службу. Выход, отмечалось шип, находили в зачислении части подростков в «верхкомплектные» казаки, очевидно, без получения окладов. Это в конце концов приводило к стихийному оттоку людей из служебной обстановки в другие категории. «Дети казака не выходят из своего состояния», — повелевал Устав о сибирских городовых казаках 1822 г.³⁶, стремясь положить конец этому процессу. Отпуск и зачисление в казаки производилось только с 16 лет³⁷.

Недостаток штатных старшинских должностей затруднял продвижение по служебной лестнице. Многие пятидесятники, прапорщики и прочие находились в окладе рядовых³⁸. На начальных этапах (с жалованьем рядовых) были также некоторые дворяне и дети боярские. О сургутских детях боярских, например, сообщается в источнике начала XIX в., что хотя в прежних годах в Сургуте и находилось их «...человек до десяти, поступивших в свое звание из сургутских казаков по определению Сибирской губернской кан-

³¹ ЦГАДА, ф. 215, кн. 1621, л. 363об. — 365об.

³² ГАТот, ф. 329, оп. 541, д. 54, л. 283.

³³ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1432, л. 204.

³⁴ Там же, оп. 3, д. 4590, л. 3.

³⁵ Там же, л. 4375, л. 4.

³⁶ Учреждение для управления сибирских губерний. Устав о сибирских городовых казаках, с. 14.

³⁷ ЦГНА, ф. 1204, оп. 1, д. 586, л. 510б.

³⁸ ГАТот, ф. 329, оп. 541, д. 142, л. 6—7, 45.

должностей и бывшего в Тобольске господина губернатора Чичерина, но за всеми этими оными по городу Сургуту штаты состояли при казенных и казначьих вакансиях; а по открытию тобольского замещенштатной службе к должностям³⁹.

Исполнение в службу влекло за собой зачисление по определенному окладу жалования. Суммы окладов хотя и менялись на протяжении периода, но оставались певелики (см. главу 4, § 3). В 1804 г. генерал-губернатор Селифонтов просил центральные власти заняться рассмотрением дела о сибирских городских казаках, об увеличении их материального положения. Однако до 1822 г. все ограничивалось многочисленными проектами.

13 апреля 1822 г. 1-й Сибирский комитет утвердил наказы Устав о городских казаках, а вскоре последний был санкционирован царем и приобрел силу закона⁴⁰. Жалованные оклады городских сибирских казаков повысились до окладов линейного казначества. Увеличение это не было особо заметным. Если по штату 1737 г. денежный оклад казака составлял 5 р. 32 к., то с 1822 г. — 6 руб.⁴¹ Уставом 1822 г. велено было наделить каждого городского казака 15 десятинами земли (на юге — пашнями, а в северных местах — премоисловыми угодьями), но уже в 1835 г. ревизор генерал-майор Мусин-Пушкин доносил, что данное положение Устава не выполнено. В объяснении Сибирского комитета сообщалось: «Местное ячальство давно заботилось об отводе... что невозможно сделать... без приведения земель в известность... только в прошедшем году рассмотрен штат землемерной части для приведения в известность удобных земель в Тобольской губернии⁴².

В целом, как отмечалось, положение северного казначества оказывалось достаточно непрочным. Это усугублялось обложением части служилых подушным окладом вплоть до 1782 г.

Городовые команды до 1748 г. состояли под начальством Сибирского приказа; впоследствии — до 1753 г. были в непосредственном ведомстве Сибирской губернской канцелярии. С 1753 г. управление казаками поручено тобольскому обер-коменданту, а через 44 года Государственная военная коллегия предписала предоставить городские команды в распоряжение гражданской губернской, что подтвердили указом 1810 г. На местах же казаки подчинялись сначала ководам и комиссарам, а с 1782 г. — городничим⁴³.

Однако подчинение это пошло весьма своеобразный характер: казанам предоставлялась во многих вопросах определенная самостоятельность. Большую роль в жизни городских служилых Бере-

³⁹ ГАТот, ф. 329, оп. 341, л. 7, а, 330 об.

⁴⁰ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, л. 536, а, 35; Вручченко С. Сибирские окраины, СПб., 1899, т. 2, с. 190—191.

⁴¹ Устав о сибирских городских казаках. — Указание для уездной Сибирской губернии, л. 33; ГАТот, ф. 329, оп. 341, л. 7, а, 306.—10.

⁴² ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, л. 541, а, 15—16 об.

⁴³ Там же, л. 536, а, 9; ГАТот, ф. 329, оп. 341, л. 7, а, 306.

зова и Сургута играли их общие собрания. Но них выдвигались често-
битные, обсуждались различные вопросы, выбирались лица из дворян-
ности, пеловальники, тимованные госев и прочих, предлагалась оче-
редность ехать с казной в Москву или Тюмень, устанавливались оче-
редность командирования на южные линии. На всех выборах пред-
ставлялся от казачьего общества специальный «выбор» — своеобраз-
ное поручительство. В 1795 г. заместитель Алябьев подтвердил, что
«тюменского наместничества городов городничим, в тех же полковни-
ках штатам казачьи команды, ... в тех командах, коими имеет коман-
дирование по одной только наружности (подчеркнуто нами. — Н. М.),
никаких «раскомандирований» самим не производить. Туринскому,
сургутскому, березовскому, енсейскому, парьскому и турулан-
скому городничим были присланы специальные маршруты, в которых
предписывалось: «...буде впрямь потребуетя надобность по службе
командировать куда-либо из казачьих команд старшин или казаков,
то чтоб требовали они только один число людей, а не по именам».
В следующем году в Сургут пришло новое предписание с тем же на-
диранием — «в откомандировании куда-либо старшин и казаков
городничим или земским исправникам коименпо требуемых отсюда...
не давать...»⁴⁴.

К концу периода самостоятельность казачьих и решения всех
рассмотренных дел значительно уменьшилась. Все более возрастала
роль казачьей старшины. Увеличивался произвол городничих.
В 1799 г., например, сургутский городничий Герварт пошел на
казачьи, «злых поряточные повеление ему известны» (Ивана Тучар-
тцова, Андрея Вурьбьенг, Ивана Панкина, Ильи Завьялова и
Ивана Кайдалова) выбрать одного для отъезда в Петропавловскую
крепость «в тамежные дела». На это казачья команда решитель-
но отказалась, что командироваться ею в Петропавловск ordered
Александр Тупорев. Однако городничий самовольно заставил Тупе-
рева казаком Федором Плотниковым. Тот же Герварт собственноручно
расправлялся с неустоившими ему слушателями — избил,
например, и выгнал из занимаемого дома казака Кушицкого. Пос-
ледний подал жалобу своему непосредственному начальнику — от-
мани Проводникову и просил у него самовещания, а городничий,
узнав об этом, выслал Кушицкого вне всякой очереди в дальнюю
самандировку на южные линии. Пралорщик Проводников потребо-
вал от Герварта объяснений, но тот «сам» предложил себе за про-
буждение и угодил Проводникову из стаманов. Указный судья
Давыдов при расследовании дела должен был заметить, что старшин-
ной внутренне по казачьей команде распоряженные имел... и против-
ность предписаний». Проводников восстановил и доказал, а
Герварта на посту городничего сменил коллежский записчик Давид
Дружанин⁴⁵. Последний, однако, проявил не меньшее желание ре-
организовать казачьи не по одной наружности, активно совме-

⁴⁴ ГАТЮТ. № 329, ин. 741, л. 34, л. 223об. — 224.

⁴⁵ Там же, л. 251 — 253об.

такая по внутренним делам команды. Назвали, например, определили в счетчики в местное казачье общество Михайлу Кушника — «молодого вдовца и разгорюпца к службам». Горюпчий Дружинин, решив, что для Кушника служба в счетчиках слишком легка, тем как оставляет ему много свободного времени, «отделил казака от той должности, приказав атаману обучать Кушника «введенной казачьей экзерции» и употреблять его для более трудных служб»⁶⁶. Дружинину, как и его предшественнику, не нравились слишком самостоятельный и ревностно оберегающий казаки приказчик атаман Проводников. Заявив, что тот еще знает вольской дисциплины, Дружинин отстраняет приказчика от должности, определяет в сургутские атаманы служилого Федюлова⁶⁷.

Круг обязанностей городовой казачьей Бирюзова и Сургутова XVIII в. был очень широк и разнообразен. При отсутствии здесь сколько-нибудь значительного купечества обычно, как отмечалось, из казаков выбирали таможенных служителей, целовальников, счетчиков в канцелярию, а также сборщиков ясака. Служилые исполнялись управителями в качестве курьеров: посылались с отписками, с рапортами и с «прочими делами» в Тобольск, ездили туда же и в Москву «да казною», служили на годовых выставках в Обдорске и прочих местах уездов, командировались попеременно на военные укрепления линии, выполняли различные обязанности при городах. Положение сохраняется и в первой половине XIX в. «Служба казакам ныне отправляемая... узаконена из документов 20-го года XIX в., — многообразна. Они неврывают при казенных заведениях хлебных магазинов должности вахтеров и содержат караулы; находятся при губернском и уездном начальстве для посылок, удовлетворяют всем надобностям градских и деревенских жителей относительно благоустройства и хозяйства в городах и уездах; командуют ясаковыми... ко взову ясака; содержат караулы при таможенных строениях... препровождают казенные транзиты... и проч. и проч.»⁶⁸

В 1804 г. из числа сургутских казаков 21 находилось в Петропавловской крепости при таможене; 1 чел. служил в таможне в Сургутском земском суде; 7 были поименованы в казенной табели о службе и тазовские водости; 2 чел. из судов отиражены в Думнобильскую волость «для поуждения ясаковых экзерции промывальными»; 4 на время отпущен в Тобольск; 1 человек при уездном казначействе обязанности счетчика; 2 были в вахтерской должности при казенном провианте; 1 служил в Сургуте «квартирными делами»; 4 находились в амтее; 1 — счетчиком «у городнических дел»; 4 находились в амтее «у судей «дал караулы и развозку»; 1 исполнял обязанности счетчика при казенном провианте; 1 был вахтером «у городнических дел»; 1 чел. — канцеляром у «приему и раздаче на вывозку казенных жалованья и месячного провианта». Смерт. тот 30 чел.

⁶⁶ ГАТот, ф. 229, об. 441, л. 34—34об.

⁶⁷ Там же, л. 203—203об.

⁶⁸ ИРНА, ф. 1203, об. 1, л. 280, л. 106б.—11.

употреблялись еженедельно «к казенным имуществам в караул по-сменно»⁴⁰. Из числа березовцев в том же году 18 были в Тобольске «для содержания караулов»; два казака служили в Кондинске «у продажи казенной муки»; Осип Редозубов находился в Курганском уездном казначействе в счетчиках; 6 чел. пребывали в Обдорске в годовом карауле; 4 были «у перениски дел» в городническом правлении Березова; 1 служил при команде «фершелом»; 2 числились в толмачах в земском суде; 5 находились в том же суде для рассылки; 2 были частными приставами; 2 чел. находились при городской артиллерии; Александр Потапов являлся депутатом «по присутственным местам». Кроме того, по 30 чел. употреблялось в городской караул⁵⁰. Приведенных данных недостаточно, чтобы судить о всем круге функций казаков, так как они относятся лишь к февралю 1804 г. Ежемесячно поступали новые задания, и казаки уезжали в новые места и селения, приступали к исполнению новых поручений.

Каждый казак успевал за свою службу перебывать в разных местах и при разных должностях. Сургутский сотник Гаврила Клепиков, например, поступил в службу из казачьих детей в 1771 г. В 1780 г. был в «откомандировании» в Самаровской управительской канцелярии при денежной казне счетчиком, в 1782 г. находился «за отвозом» из Тобольска в Екатеринбург денежной казны, в 1783 г. — при землемере Уткине в помощниках, в 1785 г. поставлен «для разбору дел» в сургутское комиссарство. Через 2 года его назначают к раздаче «казачьей команды денежного жалованья»; в том же году был он в счетчиках «при денежной казне в городнической канцелярии». Служил он некоторое время в вахтерах; в 1796 г. являлся квартальным надзирателем в Сургуте; в 1800 г. — смотрителем у казенного запасного провiantа. В пятидесятники Гавриду произвели еще в 1795 г., а в сотники — в 1800 г.⁵¹

Казачья служба была делом педетким и опасным. Особенно трудно приходилось командированным на юг и в прочие отдаленные места.

Они часто не смеялись вовремя и «претерпевали» из-за этого «крайнее изнурение». В 1800 г. гражданский губернатор Кошелев получил два прошения от березовцев — капрадов Егора Кирсапова, Ивана Падерина и шести рядовых казаков, паходящихся «для содержания караулов» при Боготольском випокурениом заводе. Хотя отпавлены они были на завод в 1798 г. лишь па один год, однако «минуло уже год и пять месяцев, но па смену нас, — пишут служивые, — от команды и даднсь других казаков в присылке не имеется, по малю получаемому и; жалованью в рассуждении отдаления от домов и содержания себя претерпеваем крайнее изнурение...»⁵² Из Петропавловской пограничной таможни в том же году рапортовали в Тобольск, что пристана из Сургута смена паходившихся при та-

⁴⁰ ГАТот. ф. 329, оп. 543, л. 142, л. в—7об.

⁴⁹ Там же, л. 43—44об.

⁵⁰ Там же, л. 34, л. 258—263.

⁵¹ Там же, л. 15—15об., 170.

воинские сургутским служилым, по той же причине присланных людей недостаточно и на каменную стражу, а ваче теперь, при открытии новых земель местными властями в Петропавловске⁴³. Командированы же отсюда в Березово обременительными для городских казаков, «сверхчайше повелено» «на границу в Ганжанин, заставы и мостовые дворы» их не посылать, а поселить здесь линейными казаками⁴⁴.

До 1798 г. не существовало правил, «оным именно образом увольнять казаков от службы»; в этот же году Сенат объявил указ, где говорилось: «казак прежде положенного срока не отставать и не определять в мещанство. Срок службы определялся отныне 25 годами. Иначе отставку можно было получить лишь по болезни⁴⁵. Впрочем, и ранее в отставку казаки (за немногими исключениями) выходили уже не будучи работоспособными. В 1760 г. в Березове насчитывалось 12 отставных казаков, друтил в год от (в возрасте от 40 до 76 лет). Все они жили на пропитании у родственников, все были дряхлы. «У большей части, — сообщали комендант канцелярия, — зубов нет, ломота в костях, слепота, руками шав витали не видуют, раны, чухотка»⁴⁶. В числе 5 отставных казаков Сургута (1805 г.) были: Гаврило Клепиков — «одержимый головной болезнью»; Василий Новосильцев — «глазами слеп»; Петр Клепиков, страдавший «дымчатой болезнью»; Андрей Голощавов — с тем же недугом; Яков Кушников — «глазами слеп»⁴⁷. Из 12 отставных старшин и казаков Березова (в том же 1805 г.) все получили увольнение с назначением у них болезнями и, подобно сургутским, находилось на содержании у детей и родственников⁴⁸.

На севере, как правило, служилые не уходили в отставку (были, разумеется, и исключения), если могли выполнять военные свои обязанности. В 1805 г., например, в березовской команде было 27 чел. в возрасте от 50 до 66 лет со служебным стажем, далеко перешагнувшим положенный срок⁴⁹. Служба гарантировала хоть и небольшой оклад, а также некоторую независимость от гражданской администрации и более устойчивое положение в местном обществе, воспитанном в соответствующих традициях.

Таким образом, на всем протяжении рассматриваемого периода в Березове и Сургуте содержались команды городских казаков, необходимые для управления отдаленным и обширным северным краем. Содержание команд не было особо обременительным для властей. Казаки получали небольшое жалованье и поэтому были способны себя в основном промывать и торговать. Развитие

⁴³ ГАТот, ф. 329, оп. 541, з. 34, л. 33—35об.

⁴⁴ ЦГА, ф. 1264, оп. 1, д. 536, л. 40—10об.

⁴⁵ Там же, л. 9об.

⁴⁶ Потанин Г. Указ, сод., с. 50—51.

⁴⁷ ГАТот, ф. 320, оп. 541, з. 1, л. 35об.—32.

⁴⁸ Там же, з. 300—300об.

⁴⁹ Там же, л. 361.

последних немало препятствовали многочисленным обязанностям службы. Казаки несли на себе все полицейские функции, нередко (особенно в начале периода) привлекались в качестве военной силы, использовались по «части хозяйственной» и «почтовой». Местные службы казаков Березова и Сургута являлись не только охраной горел и уездов, но и отдельными районами Сибири, в том числе обширными южные линии. Хотя на протяжении XVIII — первой половины XIX в. наблюдается некоторая уменьшения тяжести службы (превращение «командирований» из «живых» укрепленные пункты сокращение части военных функций), однако и в конце периода они требовала много сил и энергии, отнимала много времени.

Городовые казаки Березова и Сургута были относительно самостоятельны от гражданских властей (свер). Непосредственные начальники команд (воеводы, капитаны, городничие) имели командование «на одной парубности»; они не могли вмешиваться во внутренние дела казаков; устанавливали очередность «командирований», назначать на разные должности угодных им лиц, самолично представлять их служилым. В решении всех этих вопросов не малое значение имели общие собрания казаков, хотя с течением времени роль собрания падала за счет усиления власти и значимости казачьей старшины. В то же время гражданские власти успешно наступают на существующие привилегии служилого класса, все активнее вмешиваясь во внутреннюю жизнь команд.

На протяжении XVIII — первой половины XIX в. правительство стремится регламентировать службу городовых сибирских казаков, в частности, устанавливает сроки и правила вербовки в службу и увольнения и отставку.